

Адель

Автор:

Лейла Слимани

Адель

Лейла Слимани

Жизнь журналистки Адель со стороны выглядит практически идеальной. У нее хорошая работа, она замужем за успешным хирургом, у них прекрасный трехлетний сын, они живут в большой квартире в фешенебельном районе Парижа... Но за близким к идеалу фасадом – разочарование во всех и во всем и всепоглощающая, неутолимая потребность в сексе. Когда на Адель «накатывает» – а случается это нередко, – она готова отдаться первому встречному, забыв обо всем на свете... Потом она дает себе клятву: «никогда больше». Пока не случится новый приступ. «Адель» – захватывающее исследование брака, сексуальности, порочной зависимости и пределов женской свободы, мастерски выполненное Лейлой Слимани, лауреатом высшей литературной награды Франции – Гонкуровской премии, автором всемирного бестселлера «Идеальная няня».

Лейла Слимани

Адель

Посвящается моим родителям

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.

Я бы так не могла...

Анна Ахматова.

Реквием

Нет, головокружение нечто иное, чем страх падения. Головокружение – это глубокая пустота под нами, что влечет, манит, пробуждает в нас тягу к падению, которому мы в ужасе сопротивляемся. <...> Мы могли бы назвать головокружение опьянением слабостью. Человек осознает свою слабость и старается не противиться, а напротив, поддаться ей. Опьяненный своей слабостью, он хочет быть еще слабее, он хочет упасть посреди площади, передо всеми, хочет быть внизу и еще ниже, чем внизу.

Милан Кундера.

Невыносимая легкость бытия[1 - Здесь и далее цитируется в переводе Н. М. Шульгиной.]

Le?la SlimAni

DANS LE JARDIN DE L'OGRE

© Editions Gallimard, 2014

Published in the Russian language by arrangement with Editions Gallimard

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

Иллюстрация на обложке: © Jeff Cottenden

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2020

* * *

Уже неделя. Адель держится уже неделю. Умничка. Хорошая девочка. За четыре дня пробежала тридцать два километра. От площади Пигаль до Елисейских Полей, от музея Орсе до Берси. По утрам бегала по безлюдным набережным, ночью – по бульвару Рошешуар и площади Клиши. В рот не брала спиртного и рано ложилась спать.

Но сегодня ночью ей опять снилось это. Влажный, нескончаемый сон, проникший в нее, как дуновение горячего воздуха. Проснувшись, Адель не могла думать ни о чем другом. Встала, выпила крепкий кофе. Весь дом еще спал. Постояла посреди кухни, покачиваясь с ноги на ногу. Выкурила сигарету. В душевой, под струями воды ей хотелось драть себя ногтями, разорвать свое тело на части. Она билась лбом о стекло кабины. Ей хотелось, чтобы кто-то грубо схватил ее и размозжил голову о стену. Стоило закрыть глаза – и она слышала звуки, вздохи, крики, удары. Тяжело дышит обнаженный мужчина, бурно кончает женщина. Ей хотелось стать просто вещью во власти буйной орды, хотелось, чтобы ее пожрали, высосали, проглотили целиком. Чтобы щипали за соски, кусали за живот. Она хотела быть безвольной куклой в саду у людоеда.

Она никого не стала будить. Оделась в темноте и ни с кем не попрощалась – была слишком взвинчена, чтобы кому-то улыбаться и вести утренние разговоры. Вышла из дома и зашагала по пустым улицам. Спустилась в метро на станции «Жюль Жоффрен». Шла, низко опустив голову, борясь с тошнотой. На платформе по носку ее сапога пробежала мышь. В поезде Адель огляделась по сторонам. На нее смотрел мужчина в дешевом костюме. Волосатые руки, плохо начищенные остроносые ботинки. Он бы сгодился. Как и тот студент, который сжимает в объятиях свою девушку и покрывает поцелуями ее шею. Как и мужчина лет пятидесяти, стоящий у двери, читающий книгу и не замечающий ее.

Она взяла с сиденья напротив вчерашнюю газету. Перелистала страницы. Заголовки путались, сосредоточиться не удавалось. С досадой положила газету на место. Здесь больше невозможно находиться. Сердце бешено колотилось в груди, Адель задыхалась. Она развязала шарф, провела им по мокрой от пота шее и положила на пустое сиденье. Встала, расстегнула пальто. Рука вцепилась в ручку двери, колени дрожали. Адель была готова выскочить из вагона.

Она обнаружила, что забыла дома телефон. Снова села, стала вытряхивать на сиденье сумку, уронила пудреницу, за лифчик зацепились наушники. Мелькнула

мысль, что носить этот лифчик небезопасно. Не могла она забыть телефон. Если забыла, значит, придется возвращаться домой, находить объяснение, что-то придумывать. Да она и не забывала, вот он. И все время здесь лежал. Она стала убирать вещи обратно в сумку. Чувствовала, что все на нее смотрят. Что весь поезд насмехается над ее паникой и пылающими щеками. Адель открыла маленький телефон-раскладушку и рассмеялась, увидев первое имя.

Адам.

Как бы то ни было, терять ей нечего.

Хотеть – значит уже сдаться. Плотина рухнула. Что толку удерживаться? Жизнь лучше от этого не станет. Сейчас она рассуждала, как курильщица опиума или картежница. Она так радовалась, что несколько дней удавалось противиться искушению, что позабыла, как оно коварно. Она встала, приподняла засаленную задвижку, и дверь открылась.

Станция «Мадлен».

Адель проталкивалась через толпу, волной хлынувшую к поезду – искала выход в город. На бульваре Капуцинок она бросилась бежать. «Пусть он будет дома, пусть он будет дома». Проходя мимо универсальных магазинов, подумала, не бросить ли эту затею. Здесь можно сесть на метро и по девятой ветке по прямой добраться до офиса как раз к редакционному совещанию. Постояла у входа в метро, закурила. Прижала сумку к животу. Ее заметили стоявшие неподалеку цыганки и двинулись к ней, все замотанные в платки, с выпрашивающими денег плакатами в руках. Адель ускорила шаг. Плохо соображая, пошла по улице Лафайет не в ту сторону, затем вернулась назад. Улица Блё. Набрав код, она вошла в подъезд, взлетела по лестнице так, будто за ней гнались, и постучала в тяжелую дверь на третьем этаже.

– Адель... – Адам улыбнулся, глядя на нее припухшими со сна глазами. Он был голым.

– Ничего не говори. – Адель сняла пальто и набросилась на него. – Пожалуйста.

– Ты бы хоть позвонила... Еще и восьми нет...

Адель уже разделась догола. Она царапала ему шею, тянула за волосы. Дразня ее, он возбудился сам. Он сильно толкнул ее и закатил пощечину. Она схватила его член и ввела в себя. Прислонившись к стене, она чувствовала, как он входит в нее. Смятение рассеялось. К ней вернулись привычные ощущения. На душе стало легче, мозг был опустошен. Она вцепилась в ягодицы Адама, направляя в его тело собственные движения – сильные, грубые, все более быстрые. Она пыталась добиться какого-то результата, ей овладела адская ярость. «Еще, еще сильнее!» – кричала она.

То, что это тело было ей знакомо, мешало ей. Слишком просто, слишком механически. Она пришла неожиданно, без предупреждения, но этого не хватило, чтобы создать интригу, напряжение. Их объятия и недостаточно непристойны, и недостаточно нежны. Она положила руки Адама на свои груди и попыталась забыть, что это он. Закрыв глаза, она представляла, что он принуждает ее.

Сам он был уже где-то не здесь. Стиснул зубы. Перевернул ее. Как всегда, положил правую руку на голову Адель, пригнул ее к полу, левой рукой схватил за бедро. Он проникал в нее мощными толчками и кончил с победным ревом.

Адам склонен терять власть над собой.

Адель оделась и повернулась к нему спиной. Ей было стыдно, что он видит ее голой.

– Опаздываю на работу. Я тебе позвоню.

– Как хочешь, – ответил Адам.

Он курил, прислонившись к двери кухни. Свободной рукой коснулся свисавшего с члена презерватива. Адель старалась не смотреть на него.

– Не могу найти шарф. Ты не видел? Серый кашемировый, я очень его люблю.

– Поищу. Отдам в следующий раз.

* * *

Адель приняла непринужденный вид. Самое главное – не казаться виноватой. Она пересекла опенспейс, как будто просто возвращалась с перекура, улыбнулась коллегам и села на свое место. Сирил выглянул из своей стеклянной загородки. Стук клавиш, телефонные разговоры, жужжание принтеров, выплевывавших статьи, и болтовня у кофемашины заглушали его голос. Тогда он перешел на крик:

- Адель, уже почти десять.

- Я была на встрече.

- Ну да, конечно. Ты два текста задерживаешь, так что плевать мне на твои встречи. Чтоб через два часа они были у меня.

- Будут тебе твои тексты. Я почти закончила. После обеда тебя устроит?

- Адель, ты меня достала! Мы не будем всей редакцией тебя ждать. Нам номер сдавать, черт возьми!

Сирил рухнул в кресло, размахивая руками.

Адель включила компьютер и закрыла лицо ладонями. Она и близко не представляла, что писать. Не стоило вообще браться за эту статью о социальной напряженности в Тунисе. Она сама не понимала, что ее заставило поднять руку на совещании.

Надо снять телефонную трубку. Звонить контактными лицам на местах. Задавать вопросы, сопоставлять информацию, трясти источники. Ощущать воодушевление, верить в качественную работу и журналистскую точность, которой Сирил прожужжал им все уши, а сам за хороший тираж душу продаст. Обедать на рабочем месте, не снимая наушников и не убирая рук с клавиатуры, засыпанной крошками. Перекусывать сэндвичем, дожидаясь, пока, лопаюсь от самодовольства, перезвонит очередная пресс-секретарь и потребует прислать ей статью на согласование перед публикацией.

Адель не любила свою работу. Ей была противна мысль, что она должна зарабатывать себе на жизнь. Она всегда хотела только одного – чтобы на нее смотрели. Да, стать актрисой она уже попыталась. Приехав в Париж, записалась на курсы и показала себя посредственной ученицей. Преподаватели говорили, что у нее красивые глаза и некоторая загадочность. «Но, мадемуазель, быть актером – значит уметь отступить». Она долго сидела дома и ждала, пока свершится ее судьба. Ничего не получилось так, как она задумывала.

Лучше всего было бы выйти замуж за кого-нибудь богатого и почти не бывающего дома. К величайшему негодованию обезумевших толп активных женщин, которые окружали ее, Адель мечтала бездельничать в большом доме, заботясь только о том, чтобы быть красивой к приходу мужа. Вот было бы чудесно, если бы ей платили за умение развлекать мужчин.

Ее муж хорошо зарабатывал. С тех пор, как он получил должность лечащего врача-гастроэнтеролога в больнице имени Жоржа Помпиду, дежурства и замены только множились. Они часто ездили в отпуск и снимали большую квартиру в «шикарном Восемнадцатом округе». Адель была избалованной, а муж гордился ее независимостью. Но она считала, что этого недостаточно. Что это мелкая, жалкая жизнь без всякого размаха. Их деньги пахли работой, потом и долгими ночами в больнице. У них был привкус упреков и дурного настроения. Они не позволяли ей ни праздности, ни пороков.

В газету Адель попала по блату. Ришар дружил с сыном главного редактора и попросил за нее. Это ее не смутило. Так у всех. Сначала она хотела быть на высоте. Ее воодушевляла мысль понравиться шефу и поразить его деловой хваткой и находчивостью. И она проявила увлеченность и нахальство, добилась интервью, о которых никто в редакции не смел и мечтать. Потом она поняла, что Сирил – тупица, который в жизни не прочел ни одной книги и не способен оценить ее талант. Начала презирать коллег, топивших в рюмке напрасные амбиции. В конце концов она возненавидела свою профессию, этот офис, этот монитор, всю эту идиотскую показуху. Она больше не желала по десять раз звонить министрам, которые грубо перебивали ее, а потом цедили пару фраз, пустых, как сама скука. Ей было стыдно разливаться соловьем, чтобы завоевать расположение пресс-секретаря. Единственное, что имело значение, – свобода, которую давала ей профессия журналиста. Пусть она и мало зарабатывала, зато могла путешествовать. Могла исчезать, выдумывать тайные встречи и не нуждаться в оправданиях.

Адель никому не стала звонить. Она открыла новый документ и приготовилась писать. Сочиняла цитаты из источников, не пожелавших назвать себя, лучших, какие она только знала. «Источник, приближенный к правительству», «завсегда кулуаров власти». Она находила завлекательные формулировки, добавляла немного юмора, чтобы развлечь читателя, все еще верящего, что он обратился сюда за информацией. Читала статьи по теме, делала резюме, копировала и вставляла. Все это заняло меньше часа.

– Держи свой текст, Сирил! – крикнула она, надевая пальто. – Пойду пообедаю, вернусь – обсудим.

Улица посерела и словно застыла от холода. Лица прохожих осунулись, кожа приобрела землистый оттенок. Тянуло вернуться домой и лечь спать. Бездомный перед магазином «Монопри» выпил больше обычного. Он спал на вентиляционной решетке. Штаны были спущены, виднелась спина и покрытые коростой ягодички. Адель и ее коллеги вошли в забегаловку с невымытым полом, и, как всегда, Бертран чересчур громко произнес: «Обещали же, что больше сюда не пойдем, тут хозяин – активист Национального фронта».

И все же они продолжали туда ходить из-за камина и хорошего соотношения цены и качества. Чтобы не заскучать, Адель завела беседу. Она припоминала бесконечные байки, извлекала на свет старые сплетни, расспрашивала коллег, какие у них планы на Рождество. Пришел официант принимать заказ. Когда он спросил, что они будут пить, Адель предложила взять вина. Коллеги вяло замотали головами, заставили себя упрашивать, уверяя, что у них нет денег и вообще не стоит. «Я угощаю», – объявила Адель, хотя на ее банковском счете шаром покати, а ее саму коллеги не угостили ни разу в жизни. Плевать. Сейчас бал правит она. Она угощает, и теперь, после бокала «Сент-Эстефа», в запахе горящего камина, ей кажется, что они любят ее и обязаны ей.

Когда они ушли из ресторана, была половина четвертого. Они чувствовали себя немного сонными после вина, слишком обильной пищи и камина, от которого волосы и одежда пропахли дымом. Адель взяла под руку Лорана, работавшего в офисе напротив. Он высокий и худой, а когда улыбается, дешевые вставные зубы делают его похожим на лошадь.

В опен-спейсе никто не работал. Журналисты дремали за мониторами. Некоторые, сбившись в группки, спорили в глубине зала. Бертран поддразнивал молоденькую стажерку, имевшую неосторожность одеться как старлетка пятидесятих годов. На подоконниках охлаждали бутылки шампанского. Все ждали подходящего момента, чтобы напиться вдали от семьи и от близких друзей. Рождественская пьянка в газете – это традиция. Мгновение запланированного разгула, когда надо зайти так далеко, как только можешь, показать истинное лицо коллегам, с которыми с завтрашнего дня будешь поддерживать чисто деловые отношения.

Никто в редакции этого не знает, но в прошлом году рождественская вечеринка для Адель достигла апогея. За одну ночь она воплотила в жизнь свою эротическую фантазию и лишилась всех карьерных амбиций. Она переспала с Сирилом в зале заседаний редколлегии, на длинном черном лакированном столе. Они много выпили. Весь вечер она провела рядом с ним, смеялась над его шутками и пользовалась любым моментом, когда они оставались наедине, чтобы устремить на него робкий взгляд, полный бесконечной нежности. Она притворилась, что он одновременно ужасно впечатляет и ужасно притягивает ее. Он рассказал, что подумал о ней, когда впервые ее увидел:

– Ты мне показалась такой хрупкой, такой робкой и благовоспитанной...

– Ты хочешь сказать – слегка зажатой?

– Да, наверное.

Она быстро, как ящерка, высунула язык. Он был потрясен. Зал редакции опустел, и, пока остальные убирали разбросанные стаканчики и окурки, они скрылись в зале заседаний этажом выше. Они набросились друг на друга. Адель расстегнула рубашку Сирила, казавшегося ей таким красивым, пока он оставался лишь ее шефом и в некотором роде находился для нее под запретом. Но здесь, на черном лакированном столе, он оказался пузатым и неловким. «Я перебрал», – сказал он, извиняясь за вялый стояк. Повернулся на спину, запустил руку в волосы Адель и сунул ее голову себе между ног. Когда его член оказался у нее в глотке, она подавила желание блевануть и укусить его.

А ведь она хотела его. Рано просыпалась по утрам, чтобы привести себя в порядок, выбрать новое платье, надеясь, что Сирил посмотрит на нее, а если

будет в настроении, скажет сдержанный комплимент. Сдавала статьи раньше срока, предлагала репортажи с конца света, приносила в его кабинет решения и никогда не приносила проблем, и все только для того, чтобы ему понравиться.

Ну и зачем работать, когда она его уже трахнула?

В этот вечер Адель держалась от Сирила подальше. Конечно, она подозревала, что он на что-то рассчитывает, но их отношения стали крайне прохладными. Ее взбесили idiotские сообщения, которые он слал ей в последующие дни. И она лишь пожала плечами, когда он робко предложил ей как-нибудь поужинать в ресторане. «Зачем? Я замужем, ты женат. Тебе не кажется, что мы будем только мучить друг друга?»

На этот раз Адель надеялась не промахнуться. Она шутила с Бертраном, который подливал ей вина и в энный раз подробно описывал свою коллекцию японской манги. Похоже, он только что выкурил косяк – глаза красные, изо рта пахнет еще резче и кислее, чем обычно. Адель держалась любезно. Она притворилась, что ей приятно общество жирной документалистки, которая сегодня позволила себе улыбнуться, хотя обычно из ее рта исходили только хрипы и вздохи. Адель чувствовала себя разгоряченной. Шампанское лилось рекой – спасибо тому политику, которому Сирил посвятил хвалебную статью на первой полосе. Адель не сиделась на месте. Она чувствовала себя красивой и не желала и думать, что ее красота окажется бессильной, что ее веселье ни к чему не приведет.

– Вы же не собираетесь уходить? Пойдем прогуляемся! Ну давайте... – умоляла она Лорана, глядя на него сияющими глазами, с таким воодушевлением, что отказывать ей было бы просто жестоко.

– Ребята, вы как? – спросил Лоран у трех журналистов, с которыми перед этим беседовал.

* * *

В утреннем полумраке за окном виднелись сиреневые облака. Адель смотрела на обнаженного мужчину. Зарывшись лицом в подушку, он спал глубоким сытым сном. С тем же успехом он мог быть мертв, как те насекомые, которых соитие убивает.

Адель выбралась из постели, скрестив руки на обнаженной груди. Поправила одеяло на спящей фигуре, свернувшейся клубком, чтобы согреться. Она не спросила, сколько ему лет. Судя по его гладкой жирной коже, комнатушке под самой крышей, куда он ее привел, меньше, чем он говорил. Коротконогий, с бабьей задницей.

Холодный рассвет озарял неубранную комнату. Адель оделась. Не стоило ей идти с ним. Еще когда он поцеловал ее, прильнув мягкими губами к ее рту, она поняла, что ошиблась. Ему ее не наполнить. Надо было сбежать. Найти оправдание, чтобы не подниматься в эту мансарду. Сказать: «Мы вроде и так неплохо провели время?» Молча уйти из бара, не поддаваться этим цепким рукам, остекленевшему взгляду и несвежему дыханию.

Ей не хватило смелости.

Нетвердым шагом они поднялись по лестнице. С каждой ступенькой волшебство рассеивалось, радостное опьянение уступало место тошноте. Он начал раздеваться. Оставшись один на один с банальностью застежки-молнии, прозой пары носков и неловкими движениями пьяного юнца, она почувствовала, как сжимается ее сердце. Хотелось сказать: «Перестань, замолчи, я уже ничего не хочу». Но отступить было поздно.

Лежа под его гладким телом, она могла только торопиться, симулировать, форсировать крики, чтобы он насытился и замолчал, покончить с этим. Он хоть заметил, что она закрывала глаза? Она зажмуривалась с яростью, словно ей было противно его видеть, словно она уже думала о следующих мужчинах, настоящих, правильных, других, которые наконец сумеют подчинить себе ее тело.

Она тихо закрыла за собой дверь квартиры. Во дворе она закурила. Еще три затяжки, и она позвонит мужу.

– Не разбудила?

Она сказала, что заночевала у своей подруги Лорен, которая живет в двух шагах от редакции. Спросила, как дела у сына. «Да, вечер прошел отлично», – заключила она. Перед пятнистым зеркалом в подъезде она заставила лицо разгладиться и наблюдала за своей же ложью.

Улица была пуста, и она слышала звук собственных шагов. Вскрикнула, когда какой-то мужчина толкнул ее, спеша догнать подъезжающий к остановке автобус. Она вернулась домой неспешным шагом, чтобы потянуть время, чтобы быть уверенной, что придет в пустую квартиру, где никто не будет задавать вопросов. Слушала музыку и растворялась в ледяном Париже.

Ришар убрал со стола после завтрака. В мойке стояли грязные чашки, к одной тарелке пристал недоеденный бутерброд. Адель села на кожаный диван. Она не сняла пальто и все так же прижимала сумку к животу. Она не шевелилась. День начнется только после того, как она примет душ. Постирала блузку, пропахшую холодным табаком. Скроет круги под глазами с помощью косметики. А пока она погрязла в нечистоте, на грани двух миров, ощущая себя полновластной хозяйкой настоящего времени. Опасность миновала. Бояться больше нечего.

* * *

Адель вошла в редакцию. Лицо у нее осунулось, во рту пересохло. Со вчерашнего дня она ничего не ела. Надо бы проглотить хоть что-нибудь, чтобы прогнать боль и тошноту. Она купила холодную черствую булочку с шоколадом, еще и в худшей булочной района. Откусила от нее, но жевать было трудно. Хотелось свернуться клубком в туалете и уснуть. Ее одолевали сонливость и стыд.

– Ну что, Адель? Не слишком устала?

Бертран наклонился над ее столом и заговорщически подмигнул. Она не отреагировала. Булочку с шоколадом она выбросила в мусорку. Хотелось пить.

– Вчера вечером ты была просто великолепна. Как голова, не болит?

- Спасибо, нормально. Мне просто нужен кофе.

- Ты как выпьешь, тебя и не узнать. Ты же у нас такая вся из себя принцесса, застегнута на все пуговицы, никого в свою жизнь не пускаешь. А на деле та еще зажигалка.

- Перестань.

- Ты нас здорово повеселила. И танцуешь ты отлично!

- Слушай, Бертран, мне надо работать.

- Мне тоже кучу всего надо переделать. Ночью почти не спал. Устал как собака.

- Ну, держись там.

- Я вчера не видел, как ты ушла. С тем парнишкой? Ты записала его имя или это так, на одну ночь?

- А ты что, записываешь, как зовут всех шлюх, которых водишь к себе в номер, когда едешь в командировки в Киншасу?

- О, вот как мы заговорили! Уже шутим, это хорошо. А твой муж ничего не говорит, когда ты приходишь в четыре утра на бровях? Не задает вопросов? Да если бы моя жена такое учудила...

- Замолчи, - перебила его Адель. Она задышалась, щеки пылали. Привстав, она оказалась с Бертраном лицом к лицу. - Никогда больше не говори про моего мужа, понял?

Бертран отошел, демонстративно подняв руки.

Адель была зла на себя за неосторожность. Ни в коем случае нельзя было танцевать и показывать себя такой доступной. Не следовало садиться на колени к Лорану и дрожащим, совершенно пьяным голосом рассказывать смутные

детские воспоминания. Они видели, как она обжималась за барной стойкой с «тем парнишкой». Они это видели и не осуждают ее. И это еще хуже. Теперь они будут думать, что у них общие секреты, что можно вести себя фамиллярно. Им захочется посмеяться над этим вместе с ней. Мужчины будут считать, что она игривая, нескромная, легкомысленная. Женщины назовут хищницей, а самые снисходительные скажут, что она слабая. И все они будут неправы.

* * *

В субботу Ришар предложил поехать на море. «Выедем пораньше, Люсьен поспит в машине». Адель проснулась с первыми лучами солнца, чтобы угодить мужу, который хотел избежать пробок. Собрала вещи, одела сына. День был холодным, но солнечным – из тех дней, которые пробуждают чувства и не позволяют впадать в летаргию. Адель радовалась. В машине, оживившись под стойким зимним солнцем, она даже поддерживала разговор.

Они приехали к обеду. Парижане захватили все отапливаемые веранды, но Ришар благоразумно забронировал столик заранее. Доктор Робенсон ничего не оставлял на волю случая. Ему незачем было читать меню, он и так знал, чего ему хочется. Он заказал белого вина, устриц, морских улиток. И три порции морского языка мёньер.

– Почему бы каждые выходные сюда не ездить? Люсьену – свежий воздух, нам – романтический ужин, чего еще желать? Мне здесь так хорошо. После этой сумасшедшей недели в больнице... Да, я тебе не говорил, Жан-Пьер, заведующий отделением, спросил, не хочу ли я выступить с докладом о случае Менье. Конечно, я согласился. Уж это он должен был для меня сделать. В любом случае, больница скоро станет пройденным этапом. Мне кажется, что я вообще вас не вижу, ни тебя, ни ребенка. Снова звонили по поводу клиники в Лизье, ждут от меня отмашки. Я договорился о встрече насчет дома в Вимутье. Посмотрим его, когда поедem в отпуск к моим родителям. Мама ходила взглянуть, сказала, что дом идеальный.

Адель выпила слишком много. Глаза у нее слипались. Она улыбалась Ришару. Кусала себе щеки, чтобы не перебить его и не сменить тему. Люсьену не сиделось на месте, он уже скучал. Принялся качаться на стуле, схватил нож,

который Ришар у него тут же отобрал, потом запустил через стол солонку, предварительно открутив у нее крышку. «Люсьен, прекрати сейчас же!» – приказала Адель.

Мальчик сунул руку в тарелку и размял в пальцах морковку. Он смеялся.

Адель вытерла сыну руку.

– Может, попросим счет? Сам же видишь, ему надоело.

Ришар снова наполнил свой бокал.

– Так что насчет дома – ты так и не сказала, что ты об этом думаешь. Еще на год я в больнице не останусь. Париж не для меня. Да и ты, кстати, все время говоришь, что тебе до смерти скучно в газете.

Адель не сводила взгляда с Люсьена. Он набрал в рот мятной воды и плюнул на стол.

– Ришар, уйми его наконец! – заорала Адель.

– Что на тебя нашло? Ты в своем уме? На нас же все смотрят, – ответил Ришар, ошарашенно глядя на нее.

– Прости. Я устала.

– Ты можешь просто наслаждаться моментом? Вечно ты все портишь.

– Прости, – повторила Адель и принялась вытирать бумажную скатерть. – Ребенку скучно. Ему нужно куда-то деть энергию, вот и все. Ему бы братика или сестричку и большой сад, чтобы играть.

Ришар примирительно улыбнулся ей:

– Так что скажешь насчет этого объявления? Дом тебя заинтересовал? Я сразу подумал о тебе, как только его увидел. Хочу сменить образ жизни. У нас должна

быть охренительная жизнь, понимаешь?

Ришар посадил сына к себе на колени и погладил по голове. Люсьен похож на отца. Те же тонкие светлые волосы, та же округлая линия губ. Оба часто смеются. Ришар без ума от сына. Иногда Адель задумывалась, нужна ли она им вообще. Не будут ли они вполне счастливы вдвоем.

Она смотрела на них и понимала, что теперь ее жизнь всегда будет однообразной. Она станет заниматься детьми, заботиться о том, что они едят. Ездить в отпуск в места, которые им нравятся, думать, как развлечь их по выходным. Как весь добропорядочный средний класс, будет забирать их после уроков игры на гитаре, водить в театр, в школу, искать для них любые возможности «пробиться». Адель надеялась, что ее дети не будут похожи на нее.

Они вернулись в гостиницу и разместились в тесной комнате, похожей формой на корабельную каюту. Адель здесь не нравилось. Ей казалось, что стены надвигаются и сжимаются, как будто собираются медленно раздавить ее во сне. Но ей хотелось спать. Она оставила за ставнями этот прекрасный день, которым следовало наслаждаться, уложила Люсьена и легла сама. Не успела она закрыть глаза, как услышала, что сын зовет ее. Она не двинулась с места. У нее больше терпения, рано или поздно ему надоест. Он принялся колотить в дверь, она догадалась, что он пошел в ванную. Он открыл кран.

– Пойди погуляй с ним. Бедный ребенок, мы всего-то на день приехали. Я двое суток дежурил.

Адель встала, снова одела Люсьена и пошла с ним на тесную детскую площадку рядом с пляжем. Он карабкался вверх и вниз по разноцветным лесенкам. Без усталости съезжал с горки. Адель испугалась, что он упадет с высокой площадки, где толкались дети, и обошла вокруг горки, чтобы в случае чего его поймать.

– Люсьен, пошли домой?

– Нет, мам, попозже, – распорядился сын.

Площадка была крошечной. Люсьен отобрал машинку у какого-то малыша, тот заплакал. «Отдай ему игрушку. Ну давай, пойдем к папе в гостиницу», – умоляла она, держа его за руку. «Нет!» – крикнул сын, кинулся к качелям и едва не разбил о них подбородок. Адель села на скамейку, потом снова встала. «Пойдем на пляж?» – предложила она. На песке он не ушибется.

Адель села на ледяной песок. Усадила Люсьена себе между ног и принялась копать ямку.

– Смотри, сейчас мы выкопаем такую глубокую яму, что найдем воду.

– Хочу воду! – радостно откликнулся Люсьен, но через несколько минут вырвался и пустился бежать к большим лужам, которые оставил отступающий отлив. Мальчик упал на песок, поднялся на ноги и прыгнул в грязь. «Люсьен, вернись!» – пронзительно закричала Адель. Мальчик со смехом обернулся и посмотрел на нее. Он сел в лужу и окунул руки в воду. Адель осталась сидеть. Она была в бешенстве. На дворе декабрь, а он сейчас промокнет. Он простудится, и ей придется с ним возиться еще больше, чем сейчас. Она сердилась, что он такой глупый, несознательный и эгоистичный. Подумала, что стоило бы встать и насильно увести его в гостиницу, а там она попросит Ришара сделать ему горячую ванну. Но не сдвинулась с места. Ей не хотелось его нести – он стал таким тяжелым и больно пинает ее своими мускулистыми ногами, когда отбивается. «Люсьен, вернись немедленно!» – крикнула она. Какая-то пожилая женщина смотрела на нее в ступоре.

Растрепанная блондинка, не по сезону одетая в шорты, взяла Люсьена за руку и отвела его к матери. Его джинсы задрались, открыв пухлые колени, он смущенно улыбался. Адель все еще сидела на песке, когда женщина сказала ей с сильным английским акцентом:

– Похоже, малыш хочет купаться.

– Спасибо, – нервно отозвалась Адель, чувствуя себя униженной. Ей хотелось лечь на песок, натянуть на голову пальто и выйти из игры. Не было сил даже накричать на ребенка, дрожащего от холода и с улыбкой глядящего на нее.

* * *

Люсьен – груз, обуза, к которой Адель трудно приспособиться. Она так и не поняла, где гнездится любовь к сыну среди всех ее смятенных чувств: паники от необходимости доверять его кому-то другому, раздражения, когда она его одевала, изнеможения, когда поднималась по склону с его непослушной коляской. Любовь была, она в этом не сомневалась. Плохо обработанная любовь, ставшая жертвой повседневности. Любовь, которой не хватало на себя времени.

Адель завела ребенка по той же причине, по которой вышла замуж. Чтобы принадлежать к миру и защитить себя от всякого отличия от других. Став женой и матерью, она облекла себя в ауру респектабельности, которую у нее никому не отнять. Выстроила себе убежище от тревожных вечеров и удобное место отдыха от дней разгула.

Быть беременной ей понравилось.

Если не считать приступов бессонницы, тяжести в ногах, несильной боли в спине и кровоточащих десен, беременность Адель была идеальной. Она бросила курить, пила не больше бокала вина в месяц и была довольна таким здоровым образом жизни. Впервые в жизни у нее возникло впечатление, что она счастлива. Выпирающий живот придавал ее фигуре изящные изгибы. Ее кожа просто сияла, и она даже отпустила волосы и стала зачесывать их на косой пробор.

Шла тридцать седьмая неделя беременности, и лежать становилось очень неудобно. В тот вечер она сказала Ришару, чтобы он шел на праздник без нее. «Спиртного я не пью, погода жаркая. Я правда не понимаю, что мне там делать. Ступай развлекайся, а за меня не беспокойся».

Она легла. Ставни остались открытыми, и она видела толпу людей, идущих по улице. В конце концов она встала, устав от попыток уснуть. В ванной плеснула в лицо ледяной водой и долго изучала себя. Она то опускала глаза к своему животу, то возвращалась к лицу в зеркале: «Стану я когда-нибудь такой, как раньше?» Остро ощущала собственное преображение и не понимала, радовало оно ее или вызывало ностальгию. Но она знала, что что-то в ней умирает.

Тогда она сказала себе, что рождение ребенка ее исцелит. Убедила себя, что материнство – единственное спасение от ее неблагополучия, единственное решение, которое разом прекратит это бегство вперед. Она бросилась в него, как пациент, который в конце концов соглашается на необходимое лечение. Завела ребенка – или, точнее, этого ребенка ей сделали, и она не оказала сопротивления – в безумной надежде, что для нее это станет благом.

Ей не понадобилось делать тест на беременность. Она сразу все поняла, но никому не сказала. Она ревниво оберегала свою тайну. Ее живот все рос, а она продолжала вяло отрицать, что ждет ребенка. Боялась, что окружающие все испортят банальными реакциями и вульгарными жестами, когда будут тянуть руки к ее животу, чтобы взвесить его округлость. Она чувствовала себя одинокой, особенно в обществе мужчин, но это одиночество не тяготило ее.

Люсьен родился. Вскоре она снова начала курить. Пить стала почти сразу же. Ребенок мешал ее лени, впервые в жизни она обнаружила, что вынуждена заниматься кем-то еще, кроме себя самой. Она любила этого ребенка. Она испытывала к младенцу физическую любовь, сильную и все же недостаточную. Дни в четырех стенах казались ей нескончаемыми. Порой она оставляла сына плакать в детской и накрывала голову подушкой, пытаясь уснуть. Рыдала, сидя у высокого стульчика, заляпанного едой, перед грустным малышом, который не желал есть.

Ей нравилось прижимать его к себе, голенького, перед тем как посадить в ванну. Она обожала баюкать его и смотреть, пьянея от собственной нежности, как он погружается в сон. С тех пор как он сменил младенческую кроватку с бортиками на детскую кровать, она стала спать с ним. Бесшумно выходила из супружеской спальни и забиралась в постель к сыну, впуская его с недовольным ворчанием. Утыкалась носом в его волосы, шею, ладонь и вдыхала его прогорклый запах. Как бы ей хотелось, чтобы это ее удовлетворило.

Беременность испортила ее. У нее возникло впечатление, что, родив ребенка, она подурнела, размякла, постарела. Она коротко подстриглась, и ей казалось, что морщины уже подтачивают ее лицо. И все же в тридцать пять лет Адель оставалась красивой женщиной. Возраст сделал ее даже сильнее, загадочнее, серьезнее. Ее лицо стало жестче, но притягательная сила светлых глаз только возросла. Она была уже не такой истеричной и взвинченной. Годы курения приглушили тонкий голос, над которым посмеивался ее отец. Она стала еще бледнее, и на ее щеках, словно на кальке, можно было бы нарисовать извивы

вен.

* * *

Они вышли из номера. Ришар тянул за собой Адель. Несколько минут они стояли за дверью и слушали вопли Люсьена, умолявшего их вернуться. С тяжелым сердцем направились к ресторану, где Ришар забронировал столик. Адель хотела принарядиться, потом отказалась от этой мысли. С пляжа она пришла замерзшей. Ей не хватило духа снять одежду и надеть платье и туфли на каблуках, которые она привезла с собой. В конце концов, они все равно только вдвоем.

Они быстро шагали по улице, просто рядом. Они не касались друг друга. Мало целовались. Их телам нечего было сказать друг другу. Они никогда не испытывали друг к другу влечения и даже нежности, и в некотором роде такое отсутствие плотской близости успокаивало их. Как будто это доказывало, что их союз выше соприкосновения тел. Как будто они уже похоронили что-то, от чего другим парам предстоит избавляться лишь скрепя сердце, в криках и слезах.

Адель не помнила, когда последний раз занималась любовью со своим мужем. Кажется, это было летом. Однажды после обеда. Они привыкли к этим периодам пустоты, к ночам, когда они, пожелав сладких снов, поворачивались друг к другу спиной. Но в конце концов между ними всегда повисала неловкость, какая-то горечь. Тогда Адель ощущала странную потребность разорвать круг, вновь соприкоснувшись телами, чтобы дальше опять обходиться без него. Она думала об этом дни напролет, словно о самопожертвовании, на которое следовало согласиться.

В этот вечер сошлись все условия. Ришар смотрел масляным и чуть смущенным взглядом. Его движения были неловкими. Он сказал Адель, что она прекрасно выглядит. Она предложила заказать бутылку хорошего вина.

Едва они вошли в ресторан, Ришар продолжил разговор, прерванный за обедом. Между двумя глотками он напомнил Адель обещания, которыми они обменялись девять лет назад, когда поженились. Использовать возможности Парижа, пока позволяют годы и средства, а после рождения детей вернуться в провинцию.

Когда родился Люсьен, Ришар дал ей отсрочку. Она сказала: «Через два года». Два года давно прошли, и теперь он не намерен отступить. Не она ли твердила десятки раз, что хочет уйти из редакции, посвятить себя чему-то другому – может быть, писательству, семье? Разве они не согласились, что оба устали от метро, пробок, дороговизны, вечной гонки со временем? Безразличие Адель, которая молчала и вяло ковырялась в своей тарелке, не охладило Ришара. Он выложил последний козырь:

– Я хочу второго ребенка. Вот было бы здорово, если бы у нас родилась дочка.

Вино перебило Адель аппетит, и теперь к горлу подкатила тошнота. Ей казалось, что живот у нее раздулся и того и гляди лопнет. Единственное, что могло бы облегчить ее страдания, – возможность лечь, не двигаться и дать себе погрузиться в сон.

– Хочешь, доедай и мою порцию. В меня больше ни кусочка не влезет.

Она пододвинула свою тарелку Ришару.

Он заказал кофе. «Ты точно ничего не хочешь?» Принял в подарок от заведения бокал арманьяка и продолжил говорить о детях. Адель пришла в ярость. Вечер казался бесконечным. Хоть бы он сменил тему.

Когда они возвращались в гостиницу, Ришар был немного пьян. Он рассмешил Адель, пустившись бежать по улице. Они на цыпочках вошли к себе в номер. Ришар отдал няне деньги. Адель села на кровать и стала медленно разуваться.

Он не посмеет.

Нет, посмеет.

Его движения не лгут. Всегда одни и те же.

Он встал за ее спиной.

Поцеловал в шею.

Положил руку ей на бедро.

Потом – этот шепот, похожий на стон, и умоляющая улыбка.

Она повернулась и раскрыла рот, чтобы язык ее мужа проник туда.

Никаких предварительных ласк.

Давай уже покончим с этим, думала она, пока раздевалась – сама, на своей половине кровати.

Продолжаем. Их тела сплелись. Не переставать целоваться, вести себя так, как будто все по-настоящему. Положить руку ему на талию, на член. Он вошел в нее. Она закрыла глаза.

Она не знала, что? доставляет Ришару удовольствие. От чего ему хорошо. И не могла узнать. В их объятиях нет и намека на изыски. Годы не принесли с собой близости и не поколебали стыдливости. Движения механически точны. Прямо к цели. Она не осмеливалась медлить. Не решалась просить. Слово разочарование могло оказаться таким жестоким, что задушило бы ее.

Она старалась не шуметь. Ее приводила в ужас одна мысль, что они разбудят Люсьена и он застанет их в этом нелепом положении. И она лишь тихонько постанывала на ухо Ришару для очистки совести.

Вот и все.

Он сразу же оделся. Немедленно обрел спокойствие. Включил телевизор.

Его, похоже, никогда не заботило одиночество, в котором он оставлял жену. Она ничего не почувствовала, ровным счетом ничего. Просто услышала хлюпанье прилипших друг к другу тел и половых органов.

А потом настала мертвая тишина.

* * *

Подруги Адель все были красавицами. Ей хватило ума не окружать себя дурнушками. Она не хотела беспокоиться из-за того, что привлекает к себе внимание. С Лорен она познакомилась, когда ездила в пресс-тур в Африку. Тогда Адель только начала работать в газете, и ей впервые довелось сопровождать министра во время официального визита. Она нервничала. На взлетном поле Виллакубле, где их ждал самолет Французской республики, она сразу же заметила Лорен – рост метр восемьдесят, пышные светлые волосы, лицо, напоминающее мордочку египетской кошки. Лорен тогда уже была опытным фотографом и специалистом по Африке, она побывала во всех городах континента. В Париже она жила одна в квартире-студии.

В самолете их было семеро. Сам министр, не самый влиятельный тип, сделавшийся важной фигурой из-за многочисленных поворотов судьбы, коррупционных скандалов и интимных связей. Смешливый технический консультант, явный алкоголик, всегда готовый рассказать сальный анекдот. Сдержанный телохранитель, чересчур блондинистая и болтливая пресс-атташе. Тощий некрасивый журналист, куривший как паровоз, очень строгий, получивший несколько премий в своем ежедневном издании, где его материалы регулярно занимали первую полосу.

В первый вечер, в Бамако, она переспала с телохранителем, после того как он, пьяный и возбужденный от желания Адель, принялся танцевать без рубашки на дискотеке в гостинице, засунув свою «беретту» за пояс брюк. На второй вечер, в Дакаре, она отсосала в туалете у советника посла Франции, сбегав с невероятно скучного фуршета, где придурочные французские экспаты терлись около министра, поглощая птифуры.

На третий день, сидя на террасе гостиницы на берегу моря в Прае, она заказала кайпиринью и принялась перешучиваться с министром. Она уже собиралась предложить искупаться ночью, но тут к ней подседа Лорен. «Завтра пойдем поснимать, ты как? Может пригодиться для твоей статьи. Ты ее уже начала? Придумала, как подать материал?» Когда Лорен предложила пойти к ней в номер, чтобы посмотреть кое-какие фотографии, Адель решила, что им предстоит переспать. Она сказала себе, что не хочет быть за мужчину, не будет лизать ей и просто отдастся на ее волю.

Груди. Она бы потрогала ее груди, они выглядели такими нежными и мягкими, такими сладкими. Пожалуй, она не постесняется и попробовать их на вкус. Но Лорен не стала раздеваться. Фотографии показывать она тоже не стала. Просто легла на кровать и начала говорить. Адель легла рядом с ней, и Лорен принялась гладить ее по голове. Положив голову на плечо женщины, которая в этот момент становилась ее подругой, Адель чувствовала себя обессиленной и полностью опустошенной. Перед тем как она заснула, ее посетило прозрение, что Лорен спасла ее от большой беды, и Адель почувствовала к ней глубокую признательность.

Вечером Адель ждала, стоя на бульваре Бомарше, перед галереей, где выставлялись фотографии ее подруги. Она предупредила Лорен: «Я не пойду домой, пока ты не придешь».

Она заставила себя прийти. Ей очень хотелось остаться дома, но она знала, что Лорен обижена на нее. Они не виделись несколько недель. Не раз Адель отменяла ужин в последний момент, находила предлоги, чтобы не идти в бар. Она чувствовала себя тем более виноватой, что не раз просила подругу прикрыть ее. Писала ей сообщения среди ночи и предупреждала: «Если позвонит Ришар, не бери трубку. Он думает, что я с тобой». Лорен никогда не отвечала, но Адель знала, что эта роль уже начала ее раздражать.

По правде говоря, Адель избегала ее. Хотя в прошлый раз, когда они встречались на дне рождения Лорен, она твердо решила держаться молодцом и быть идеальной и щедрой подругой. Она помогла подготовить праздник. Взяла на себя подборку музыки и даже купила несколько бутылок того самого шампанского, от которого Лорен без ума. В полночь Ришар ушел домой, сказав в свое оправдание: «Кто-то должен пожертвовать праздником, чтобы отпустить няню».

Адель скучала. Бродила из комнаты в комнату, оставляя собеседника на полуслове, не в силах ни на чем сосредоточиться. Принялась перешучиваться с каким-то мужчиной в элегантном костюме и, глядя на него горящими глазами, попросила налить ей вина. Он колебался. Нервно озирался вокруг. Адель поняла его замешательство, только когда явилась его жена, разъяренная и вульгарная. Она накинулась на Адель: «Эй ты, слышишь! Отвали от него! Он женат». Адель издевательски рассмеялась и ответила: «Так я тоже замужем. Вам совершенно не о чем беспокоиться». Она ушла, вся дрожа и покрывшись холодным потом.

Попыталась скрыть за улыбкой смятение, в которое ее повергла эта сварливая женщина.

Она нашла укрытие на балконе, куда вышел покурить Матье. Матье, большая любовь Лорен и ее любовник, который кормит ее сказками уже десять лет, а она до сих пор верит, что в конце концов они поженятся и заведут детей. Адель рассказала ему о происшествии с ревнивой женой, а он ответил, что понимает, почему так испугалась эта женщина. Больше они не сводили друг с друга глаз. В два часа ночи он помог ей надеть пальто. Он предложил отвезти ее на машине, и Лорен с некоторым разочарованием сказала: «И правда, вы же соседи».

Через несколько метров Матье припарковался на углу бульвара Монпарнас и раздел ее. «Я всегда этого хотел». Он взялся за бедра Адель и приник губами к ее лону.

На следующий день Лорен позвонила ей. Она спросила, говорил ли Матье что-нибудь о ней и не сказал ли, почему не остался ночевать у нее. Адель ответила: «Он только о тебе и говорил. Ты же знаешь, он от тебя без ума».

Толпа, одетая в пуховики, выплеснулась со станции «Сен-Себастьян-Фруассар». Серые шапки, головы низко опущены, в руках женщин, годящихся в бабушки, болтаются пакеты. Елочные шары скромных размеров и расцветок выглядели промерзшими до смерти. Лорен помахала рукой. На ней было длинное белое кашемировое пальто, мягкое и теплое. «Пошли, я тебя познакомлю с кучей народа», – сказала она, взяв Адель за руку и увлекая за собой.

Галерея состояла из двух смежных залов, довольно тесных, между которыми на скорую руку устроили буфет с пластиковыми стаканчиками, чипсами и орешками на картонных тарелках. Выставка была посвящена Африке. Адель едва взглянула на снимки переполненных поездов, задыхающихся от пыли городов, смеющихся детей и полных достоинства старцев. Ей нравились фотографии Лорен, снятые в дебрях Абиджана и Либревилья. Там были сплетенные в объятиях потные пары, опьяненные танцем и банановым пивом. Мужчины в рубашках с коротким рукавом, бледно-желтых или цвета хаки, держали за руку томных девушек с длинными волосами, заплетенными в косы.

Лорен была занята. Адель выпила два бокала шампанского. Она нервничала. Ей казалось, все видят, что она одна. Она вынула из кармана мобильник и притворилась, что набирает сообщение. Когда Лорен окликнула ее, она покачала головой и показала сигарету, которую держала рукой в перчатке. Ей не хотелось отвечать людям, которые станут спрашивать, чем она занимается. Заранее было скучно при одной мысли об этих художниках без гроша в кармане, этих журналистах, переодетых бедняками, этих блогерах, у которых обо всем свое мнение. Необходимость поддерживать разговор казалась невыносимой. Просто быть здесь, слегка коснуться ночи, раствориться в банальностях. Вернуться домой.

На улице сырой ледяной ветер обжег ей лицо. Может быть, именно поэтому курить на улицу пошли только они двое. Курильщик был невысоким, но с мужественным разворотом плеч. Узкие серые глаза изучали Адель. Она взглянула на него уверенно, не опуская глаз. Глотнула шампанского, от которого пересохло во рту. Они пили и разговаривали. Банальности, понимающие улыбки, прозрачные намеки. Самый лучший вид беседы. Он говорил ей комплименты, она негромко смеялась. Он спросил, как ее зовут, она отказалась отвечать, и эта любовная игра, такая нежная и банальная, давала ей желание жить.

Все, что они говорили, служило единственной цели: дойти сюда. До этой узкой улочки, где Адель прижали к зеленому мусорному контейнеру. Он разорвал ее колготки. Она чуть постанывала, откинув голову назад. Он проник в нее пальцами, положил большой палец ей на клитор. Она закрыла глаза, чтобы не встретиться взглядом с прохожими. Схватила его кисть, тонкую и мягкую, и ввела в себя. Он тоже застонал, отдаваясь неожиданному желанию незнакомой женщины в этот декабрьский вечер четверга. Разгоряченный, он захотел большего. Укусил ее за шею, привлек к себе, положил руку на пояс брюк и начал расстегивать ширинку. Его волосы растрепались, глаза расширились, он смотрел голодным взглядом, как герои фотографий в галерее.

Она отступила и расправила юбку. Он провел рукой по волосам и перевел дыхание. Сказал, что живет недалеко, правда недалеко, «рядом с улицей Риволи». Она не могла. «И так хорошо».

Адель вернулась к галерее. Она боялась, что Лорен уже ушла, боялась, что ей придется возвращаться одной. Заметила белое пальто.

– А, вот ты где.

– Лорен, проводи меня домой. Ты же знаешь, я боюсь. Ты вот можешь ходить одна по ночам. Ты ничего не боишься.

– Ладно, пойдем. Поделись сигаретой.

Они шли, прижавшись друг к другу, по бульвару Бомарше.

– Почему ты с ним не пошла? – спросила Лорен.

– Мне надо домой. Ришар ждет, я обещала не задерживаться. Нет, здесь я идти не хочу, – вдруг сказала она, когда они вышли на площадь Республики. – В кустах крысы. Здоровенные, с собачку величиной, точно тебе говорю.

Они пошли по Большим бульварам. Темнело, и Адель терялась все больше. Алкоголь пробуждал в ней паранойю. Все мужчины смотрели на них. У киоска с кебабами какие-то три субъекта крикнули «Привет, девчонки!», она вздрогнула. Из клубов и ирландского паба выходили пьяные компании, веселые и слегка агрессивные. Адель стало страшно. Ей хотелось быть в постели с Ришаром. Закрывать двери и окна. Он бы такого не допустил. Он бы никому не дал причинить ей вред, он сумел бы ее защитить. Она ускорила шаг и потянула за собой Лорен. Поскорее оказаться дома, рядом с Ришаром, под его спокойным взглядом. Завтра она приготовит ужин. Приберет дом, купит цветов. Будет пить с ним вино и рассказывать, как прошел день. Будет строить планы на выходные. Будет покладистой, нежной, покорной. Согласится на все.

– Почему ты вышла замуж за Ришара? – спросила Лорен, словно прочитав ее мысли. – Ты была в него влюблена? Или думала, что влюблена? Не понимаю, как женщина вроде тебя попала в такое положение. Ты же могла оставаться свободной и жить своей жизнью, как ты сама ее понимаешь, без всей этой лжи. Мне это кажется каким-то... неправильным.

Адель изумленно взглянула на Лорен. Она не могла понять, что говорит ее подруга.

- Я вышла за него, потому что он попросил. Он был первым и пока что единственным. Ему было что мне предложить. И моя мать так обрадовалась. Он же врач, понимаешь?

- Ты серьезно?

- Что, лучше было остаться одной?

- Независимой - не значит одной.

- Вроде тебя, что ли?

- Адель, я тебя больше месяца не видела, а ты сегодня со мной и пяти минут не провела. Я для тебя просто алиби. Ты сама не понимаешь, что творишь.

- Не нужны мне алиби... Если не хочешь мне помогать, я что-нибудь придумаю.

- Так продолжаться не может. Рано или поздно ты попадешься. А у меня уже сил нет смотреть в глаза бедняге Ришару и врать ему.

- Такси! - Адель бросилась на проезжую часть и остановила машину. - Спасибо, что прошлась со мной. Я тебе позвоню.

Адель вошла в подъезд. Она села на ступеньки, вынула из сумки и надела новые колготки. Вытерла лицо, шею и руки детскими салфетками. Причесалась. Поднялась в квартиру.

В гостиной было темно. Она была признательна Ришару, что он не стал ее ждать. Сняла пальто и открыла дверь спальни. «Адель, это ты?» - «Да, я, спи». Ришар повернулся, протянул руку и стал шарить в пустоте, пытаясь коснуться ее. «Я сейчас».

Ришар не закрыл ставни, так что, забираясь в постель, Адель видела умиротворенное лицо мужа. Он доверяет ей. Так просто и так жестоко. Если он проснется - увидит ли он следы, которые оставила на ней эта ночь? Если откроет глаза, прижмется к ней - почувствует он подозрительный запах, заметит ее

виноватый вид? Адель злилась на него за его наивность, которая преследовала ее, отягчала ее вину и делала ее еще более недостойной. Ей хотелось исцарапать это гладкое нежное лицо, выпотрошить этого успокоительного чурбана.

И все же она любила его. У нее больше никого нет.

Она убеждала себя, что это было в последний раз. Что больше она не поддастся соблазну. Что отныне будет спать в этой постели с чистой совестью. Сколько бы он на нее ни смотрел, он ничего не увидит.

* * *

Адель хорошо выспалась. Натянув одеяло до подбородка, она рассказывала Ришару, что ей приснилось море. Не старое зеленоватое море ее детства, а то самое море, настоящее, с лагунами, бухтами и пиниями на берегу. Она лежала на твердой горячей поверхности. Наверное, на скале. Она была одна и осторожно, стыдливо снимала бюстгальтер. Прикрыв глаза, повернулась к открытому морю, и тысячи звезд – блики солнца на воде – не позволяли ей разомкнуть веки.

– И во сне я сказала себе: запомни этот день. Запомни, как ты была счастлива.

Она услышала шаги сына по паркету. Дверь спальни медленно приоткрылась, возникло круглое припухшее лицо Люсьена. «Ма-ам», – простонал он, протирая глаза. Забрался в кровать и положил голову на плечо Адель – он, обычно так упрямо избегающий объятий, такой резкий. «Как тебе спалось, мой хороший?» – тихо спросила она с бесконечной осторожностью, словно опасаясь, что малейшая неловкость разобьет этот благословенный миг. «Хорошо, мама».

Она встала, держа сына на руках, и направилась на кухню. Она волновалась, как самозванцы, которых еще не разоблачили. Была полна благодарности за то, что ее любят, и парализована страхом все потерять. Сейчас ничто не казалось ей дороже, чем успокаивающее жужжание электробритвы на другом конце коридора. Ничто, казалось ей, не стоило того, чтобы подвергать опасности

утренние объятия сына, эту нежность, эту его потребность в ней, которой не будет ни у кого другого. Она напекла блинов. Быстро заменила скатерть, которая лежала на столе уже неделю, несмотря на желтое пятно посередине. Приготовила Ришару кофе и села рядом с Люсьеном. Она смотрела, как он жуёт блин и обсасывает пальцы, перемазанные вареньем.

Дожидаюсь, пока муж выйдет из ванной, она развернула листок бумаги и начала составлять список. Список дел, которые предстояло сделать, а точнее, наверстать. Голова была ясной. Сейчас она расчистит повседневную жизнь, один за другим отбросит свои страхи. Будет выполнять свой долг.

Когда она пришла в редакцию, опенспейс был почти пуст. На месте оказалась только Клеманс, которая все равно выглядит так, будто здесь живет. И одежда у нее, кстати, всегда одна и та же. Адель сделала себе кофе и навела порядок на столе. Выкинула пачки распечатанных статей и приглашения на мероприятия, которые уже прошли. Разложила в синие и зеленые папочки документы, казавшиеся ей интересными, но в которые она точно никогда уже не заглянет. Со свежей головой и спокойной совестью она принялась за работу. Сосчитала до трех, чтобы справиться с отвращением, которое у нее вызывали звонки, и взялась за телефон. «Перезвоните позже». «А, нет, такие запросы нужно направлять по электронной почте». «Что? Какая газета? Нет, мне нечего вам сказать». Она натыкалась на препятствия и смело преодолевала их. Снова и снова бросалась в бой, повторно задавала вопросы, на которые ей отказывались отвечать. Настаивала. Когда писать уже не получалось, она выходила в длинный коридор, ведущий во внутренний дворик. Доставала сигарету, закуривала, держа в руке свои заметки, и повторяла вслух заголовки и концовку.

К четырем часам дня статья была закончена. Она выкурила слишком много сигарет. Удовлетворенной она себя не чувствовала. В редакции все оживилось. Сирил был взвинчен. «Такого в Тунисе еще не бывало. Говорю тебе, все покатится под откос. Эта история кончится большой кровью». Она собиралась отправить материал главному редактору, и тут ее телефон завибрировал. Тот, белый. Она поискала его в сумке. Открыла.

«Адель, я без конца думаю о тебе и об этой волшебной ночи. Давай снова увидимся. На следующей неделе я в Париже, можем выпить или поужинать вместе, как ты захочешь. Нельзя, чтобы все так и закончилось. Николая».

Она сразу же удалила сообщение. Ее трясло от злости. Этого субъекта она встретила на коллоквиуме в Мадриде месяц назад. Работать никому не хотелось. Журналисты только и думали, как насладиться бесплатным спиртным и люксами, оплаченными ученой комиссией с мутными источниками финансирования. Ближе к трем ночи она пошла с Николя к нему в номер. У него был нос с горбинкой и очень красивые волосы. Они тупо занимались сексом. Он то и дело щипал и покусывал ее. Она не попросила его надеть презерватив. Что правда, то правда, она была пьяна, но она позволила ему трахнуть ее в задницу без презерватива.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее цитируется в переводе Н. М. Шульгиной.

Купить: https://telnovel.com/slimani_leyla/adel

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)